

Дорога была ухабистой. Кампус Военной академии Ласруй располагался на значительном удалении от центра города, однако это ничуть не охлаждало пыл абитуриентов. Ласруй была единственной из пяти ведущих военных академий страны, где не существовало факультета командования. Но самое главное — это было место, где выходцы из простых семей, Альфы и Беты, могли проще всего изменить свою судьбу. Выпускники получали шанс попасть в Прямую армию и перейти в совершенно иной социальный класс.

Прямая армия находилась в непосредственном подчинении правительства и включала в себя все виды войск: морские, сухопутные и воздушные. Она обладала колоссальными ресурсами и слыла непобедимой. Ходили слухи, что именно их отправили полгода назад на подавление мятежа, с которым они расправились так стремительно, что армия страны Б в панике бежала.

В отличие от элитной Военной академии Ланъя, куда можно было попасть только по рекомендации высокопоставленных лиц и где ежегодный набор составлял лишь пятую часть от ласруйского, здесь выпускники становились лишь потенциальными кандидатами в Прямую армию. В Ланъя же готовили уже состоявшихся офицеров.

Едва выйдя из машины, У У пришел в восторг. От его утренней вялости не осталось и следа. Он напоминал пса, которого годами держали в клетке, а теперь наконец выпустили погулять. Он с любопытством вертел головой, рассматривая всё вокруг. Стоит признать, академия была поистине огромной — фотографии в буклетах не шли ни в какое сравнение с реальностью.

Ворота из белого камня с золотой окантовкой выглядели невероятно торжественно. Наверху красовалось название академии, а по обе стороны тянулись ухоженные зеленые насаждения. Неизвестно, было ли это сделано ради комфорта студентов, но правительство одним росчерком пера выделило учебному заведению двойную порцию земли. Однако территория всё равно казалась избыточной, и тогда излишки пустили на строительство всевозможных архитектурных объектов. Сегодня здесь возводили статуи великих людей, завтра — устанавливали огромные валуны с историей основания академии, превращая военное училище в некое подобие музея искусств. Казалось, следующим шагом будет установка пары каменных львов у входа и красных парных надписей, чтобы окончательно смешать западный и восточный стили.

Перед входом толпились студенты, пришедшие на регистрацию. Инструкторы указывали дорогу, а сервисные роботы были готовы ответить на любой вопрос. Сама процедура была предельно эффективной: достаточно было приложить чип из уведомления о зачислении к сенсорному экрану на воротах.

Через десять минут оба уже тащили чемоданы к зданию общежития. Серо-голубой корпус стоял перед ними, будучи единственным строением, лишенным малейшего намека на искусство. Он выглядел настолько аскетично, что это даже вызывало дискомфорт, резко контрастируя с остальной белоснежной архитектурой. Странно было то, что, несмотря на наличие датчиков на входе и возможность установить охранного робота, в сторожке всё равно сидел старик. В его глазах вспыхивал огонек, когда он внимательно осматривал каждого новобранца.

У У, однако, досталась комната 404. Большой любитель страшилок, услышав номер, от которого так и веяло зловещей аурой, он наотрез отказался заходить внутрь. Он устроил в коридоре четвертого этажа такой шум, что даже дежурный старик с первого этажа, не выдержав, примчался наверх и вместе с Тан Цунъюнем буквально затолкал парня в комнату.

Железная дверь захлопнулась, но не смогла заглушить его громогласные вопли.

— Дедушка, а этот номер можно... поменять? — Тан Цунъюнь выдавил из себя вопрос, мысленно похвалив себя за желание спасти ближнего, но ледяной взгляд старика мгновенно погасил в его душе ростки милосердия.

Он лишь про себя прочитал заупокойную молитву по У У, которому сегодня явно не суждено было выспаться — если, конечно, его не прибудет сосед по комнате.

В 10:30 утра новобранцы выстроились на плацу. Их разделили по номерам общежитий: по десять человек на офицера. В глаза бросался баннер с надписью Церемония зачисления новобранцев. На трибуне стоял простой деревянный стол, накрытый красной скатертью. За ним сидели офицеры, среди которых выделялся мужчина в центре — самый пожилой, вероятно, ректор академии. Годы армейской службы сделали его взгляд острым, как клинок, когда он холодно окинул толпу.

У У, у которого всё еще краснели глаза, злобно пихнул Тан Цунъюня локтем, но тут же съежился под ледяным взглядом, упавшим на них откуда-то сбоку. Тан Цунъюнь же, напротив, замер, глядя на человека на трибуне. Его сердце учащенно забилося. Как же так... неужели судьба?

Тот самый мужчина, которого он видел вчера в баре, теперь сидел здесь в военной форме. Он взял чашку, и настроение его, судя по всему, было отличным. Закинув ногу на ногу под столом, он прищурил свои красивые персиковые глаза, слегка приподнял бровь и принялся изучать студентов. Вся его фигура и выражение лица буквально кричали о высокомерии. Откинувшись на спинку стула, он умудрялся сидеть на обшарпанной деревянной мебели так, будто это был трон, обитый мягким бархатом.

Если бы Тан Цунъюнь не видел его вчера и не чувствовал его феромоны, он бы ни за что не догадался о его истинном поле. Казалось, едва уловимый запах еще витал вокруг него, пронзая сердце Тан Цунъюня.

В памяти всплыл аромат феромонов того мужчины — совсем не такой, как у других Омег. Он был резким, отдающим порохом и раскаленным песком пустыни, словно дым сражения, который врывается в легкие умирающего полководца.

На плацу было немало Альф, ведь Ласруй была единственным путем наверх для низов. Но тот человек скрывал свою сущность безупречно. На фоне восемнадцатилетних подростков, которые еще не научились контролировать свои феромоны, он казался абсолютно спокойным, попивая воду из стакана.

Офицеры перед строем, сохраняя каменные лица, еще несколько раз перестроили ряды, после чего один из них отправился докладывать о численности. Проверяющий, увидев заполненные списки, довольно кивнул ректору.

Старик на трибуне взял микрофон и попытался изобразить доброту, но в его «орлиных» глазах не было ни капли мягкости. Он начал зачитывать правила, которые все слышали с самого детства. Только в конце, когда речь зашла о распорядке дня, студенты оживились.

Сентябрьское солнце палило нещадно. После скучных правил новобранцы снова начали клевать носами. Но церемония не спешила заканчиваться — последовали речи других офицеров. Тан Цунъюнь с трудом открыл глаза, когда микрофон перешел к тому самому мужчине. Его рассеянное внимание мгновенно сфокусировалось.

Он едва приоткрыл веки и увидел, как мужчина тихо поблагодарил того, кто передал ему микрофон. Тан Цунъюнь, который так ждал, что этот загадочный человек наконец заговорит, уловил каждое слово:

— Фэн Бэй. Желаю всем успехов в учебе.

Голос был низким, хриплым и сексуальным. Тон звучал немного небрежно, но этого хватило, чтобы новобранцы запомнили его надолго. По сравнению с бесконечными нотациями других, эти несколько слов прозвучали как подарок, и изнуренные жарой подростки были готовы чуть ли не на колени пасть в благодарности.

— Брат, это что, вчерашний Омега... ай! — не успел У У договорить, как получил удар в бок. Осознав, что сказал лишнее, он замолчал и вытянулся по стойке смирно, подставляя лицо палящему солнцу.

Церемония, длившаяся больше часа, наконец подошла к концу. Был полдень, и офицеры сразу решили показать, кто здесь главный, — начались тренировки по строевой подготовке. Их группа состояла из десяти человек — обитателей пяти комнат, с 401 по 405.

— Посмотрите на себя! Что это за вид? Повесили носы, будто уже на поле боя в мир иной собрались? — прорычал инструктор, даже не представившись. — Смирно! — он с силой ударил по колену одного из студентов. Прохаживаясь вдоль строя, он медленно произнес: — Моя фамилия Ван. Ван Чжан. Зовите меня инструктор Ван.

Широкая ладонь прилетела по затылку У У, который снова собрался что-то ляпнуть.

— На моих занятиях не болтать! У вас была военная подготовка? Знаете, что такое доклад? В Ласруй вы приехали, чтобы четыре года терпеть мучения. Правительство не кормит дармоедов.

Инструктор Ван окинул взглядом У У, который собирался взвыть от боли, и этот взгляд ясно

давал понять: я тебя запомнил, будь осторожен. Затем он перевел глаза на Тан Цунъюня, стоявшего идеально ровно, и в его глазах промелькнуло одобрение.

Кто бы мог подумать, что Тан Цунъюнь в ответ на похвалу вдруг широко улыбнулся, и в его глазах засияли искорки. Эта улыбка также заставила Ван Чжана запомнить его. Инструктор быстро отвел взгляд, вернув лицу прежнее суровое выражение.

Через десять минут некоторые уже начали пошатываться. Инструктор Ван пресекал это короткими взглядами. Наконец, посмотрев на наручные часы и присев на белый камень, он позволил всем отдохнуть.

— Через десять минут обед. Можете идти занимать очередь. Старшекурсники ни на что не годны, но в столовую бегут первыми. Кстати, те, кто не мог стоять, подойдите сюда.

Он указал на несколько стульев на траве и отправился вместе с ними в столовую. У У, разумеется, поплелся за Тан Цунъюнем. Остальные молча разошлись, не обменявшись ни словом.

— Брат, это училище — просто ад. Мои ноги сейчас отвалятся, — проныл У У, едва не споткнувшись. Он посмотрел на Тан Цунъюня жалобным взглядом, явно надеясь, что тот сходит за едой за него.

Тан Цунъюнь, знавший его как облупленного, лишь показал ему средний палец и жест, означающий отказ.

Очередь уже выходила за пределы столовой. До начала обеда оставалось пять минут, и конца очереди было не видать. Тан Цунъюнь, схватив поднос, втиснулся в толпу. В белых окошках раздачи уже мелькали повара.

Возможно, Ласруй была слишком щедра, но порции оказались маленькими. Тан Цунъюнь, привыкший к «дрожащим рукам» поваров в других местах, был приятно удивлен. В этот момент мимо него прошел тот самый мужчина, который недавно выступал на трибуне. Он приобнимал за плечо одного из офицеров, держа в руках поднос.

Его лицо сияло, в персиковых глазах играла улыбка. Из-за жары верхние пуговицы кителя были расстегнуты, превращая форму в некое подобие V-образного выреза. Часть ключиц скрывалась под тканью, другая — была открыта, и по ней можно было легко представить очертания его тела. От былой холодности не осталось и следа.

Как бы он ни выглядел неприступным, сразу видно — человек он далеко не самый порядочный!